Годъ VIII-й. № 9-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

СЕНТЯБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43)
1899.

Printed in Soviet Union

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	БОМАРШЕ. (Къ столѣтію его смерти). **Евгенія Дегена.** . .	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЯ: 1) СНЫ УЗНИКА. (Изъ Чезаре Николини). 2) ТЮРЕМНАЯ МЕЛОДІЯ. (Изъ Чезаре Николини). 3) НА ЧУЖБИНѢ. (Изъ ирландскихъ пѣсенъ О'Коннора). **П. Я.** .	22
3.	ВЪ ГОРОДСКОЙ ШКОЛѢ. (Очерки и наблюденія). (Продолженіе). **Н. Манасеиной.**	26
4.	АЛХИМІЯ И АЛХИМИКИ. (Страничка изъ исторіи науки). Приватъ-доцента кіевскаго университета **Н. Н. Володкевича.** .	47
5.	ОБЩЕСТВЕННЫЯ УЧЕНІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ XVIII И XIX ВѢКОВЪ. (Окончаніе). Проф. **Р. Виппера.** .	62
6.	ПРОЧЬ. Разсказъ **Афъ Г. Гейерстама.** (Переводъ со шведскаго **И. Л.**)	78
7.	СТИХОТВОРЕНІЕ. *** **Allegro.**	110
8.	НОВЫЙ ЭТЮДЪ ПО ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. **Л. Сѣдова.**	111
9.	ОСВОБОДИЛАСЬ. Повѣсть. (Продолженіе). **А. Вербицкой** . . .	134
10.	РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ. **Роберта Сизеранна.** Пер. съ франц. **Т. Богдановичъ.** (Продолженіе). Часть третья. . .	164
11.	УЧЕНІЕ О ЛОКАЛИЗАЦІИ УМСТВЕННЫХЪ СПОСОБНОСТЕЙ. (Исторія и современное состояніе). Проф. **Г. Челпанова.**	183
12.	МОЩЬ КООПЕРАЦІИ. **В. Тотоміанца**	197
13.	ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ. **К. Каутскаго.** Переводъ съ нѣмецкаго **Вик. Мазуренко.**	209
14.	ДУПНАЯ НОЧЬ. (Степные очерки). **Юліи Безродной.**	219

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15.	ГАЗЕТА ВЪ ДЕРЕВНѢ. (Замѣтка). **С. Ашевскаго.**	1
16.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Временныя правила.—Изъ поѣздки къ голодающимъ. —Экономическое значеніе грамотности.—Духоборы въ Квебекѣ.—Изъ хроники переселенія.—Что читаетъ народъ.—На нефтяныхъ промыслахъ.	9
17.	**За границей.** Американскіе университеты. — Религіозный кризисъ въ Англіи. — Чествованіе памяти венгерскаго поэта.—Выставка Арміи Спасенія.—Швейцарскія дома для рабочихъ. .	21

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ КИТАЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго Вик. Мазуренко.

Китай, какъ мѣсто сбыта для европейской промышленности, несравненно важнѣе тѣхъ африканскихъ областей, которыя являются предметомъ новѣйшей фазы колоніальной политики. Для этой промышленности восточно-азіатскій вопросъ обладаетъ, по сравненію съ африканскимъ, совершенно инымъ значеніемъ.

Стоимость ввоза въ Китай простиралась въ періодъ съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ, до 551 милліона марокъ, въ 1890 году—до 672 милліоновъ, въ 1893 году—до 608 милліоновъ. Но исполинское государство, по населенности почти равное всей Европѣ (число жителей Небесной Имперіи исчисляется въ 360 милліоновъ, а въ Европѣ оно равно 380 милліонамъ), еще очень мало открыто для ввоза извнѣ. Несомнѣнно, что здѣсь отроется еще одинъ большой рынокъ; это—послѣдній большой рынокъ, предстоящій открытію для капиталистическаго способа производства.

Конечно, не слѣдуетъ и преувеличивать способность расширенія этого рынка. Если мы возьмемъ, напримѣръ, Индію, гдѣ господствуютъ такія же соціальныя отношенія народныхъ массъ, какъ и въ Китаѣ, но гдѣ средства сообщенія получили наиболѣе свободное развитіе, и многочисленныя желѣзныя дороги (длина желѣзныхъ дорогъ достигала въ 1853 году до 32, а въ 1897—до 30.000 километровъ), превосходныя шоссе (250.000 километровъ) поощряютъ внутреннюю торговлю, гдѣ, слѣдовательно, въ отношеніи сообщенія наблюдается такое состояніе, до котораго Китай сможетъ достичь не раньше, какъ черезъ одно-два десятилѣтія,—то найдемъ противъ ожиданія, что ввозъ въ эту страну равенъ, приблизительно, лишь 1.000 милліоновъ марокъ (съ 1886 по 1890 годъ, въ среднемъ,—1.034 милліонамъ, въ 1892 году—954, въ 1893—1.106, въ 1895—992 милліонамъ марокъ).

Народонаселеніе Индіи простиралось въ 1891 году до 291 милліона, а Китая—до 360 милліоновъ; слѣд.,—на 70 милліоновъ, приблизительно, на 25% болѣе, чѣмъ въ Индіи. Если теперь, соотвѣтственно съ этимъ, мы увеличимъ на одну четверть величину индійскаго ввоза, то получимъ общій итогъ отъ 1.200 до 1.300 милліоновъ марокъ, соотвѣствующій

той суммѣ, на которую ввозилось бы въ Китай товаровъ въ томъ случаѣ, еслибы въ немъ господствовали индійскія отношенія.

Это указываетъ на то, что отъ постройки желѣзныхъ дорогъ ввозъ въ Китай, въ теченіе одного-двухъ десятилѣтій, приблизительно *увеличился бы вдвое*..

Если теперь принять во вниманіе, къ какому быстрому расширенію способенъ нашъ способъ производства (міровая торговля *въ одинъ* 1879—1880 годъ увеличилась на 4.000 милліона марокъ, а въ 1888—1889 году—на 4.700 милліоновъ), то увеличеніе ввоза на 600 милліоновъ, приходящееся на одно-два десятилѣтія, во всякомъ случаѣ не должно вызывать чрезмѣрныхъ ожиданій.

Конечно, сравнивать Китай съ Индіей такъ прямо, безъ всякихъ ограниченій нельзя, и было бы неподходящимъ выводить изъ чиселъ, добытыхъ изъ ихъ сравненія, какія-либо дальнѣйшія заключенія. Но ихъ достаточно для того, чтобы заставить смотрѣть на открытіе Китая безъ экстаза.

Къ сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что львиная часть китайской торговли не достанется Европѣ. Существуютъ страны, лежащія ближе къ Китаю, какъ, напримѣръ, Калифорнія, Австралія, а, главное, Японія и Индія, у которыхъ отъ прогрессивнаго открытія Китая прежде всего усилится промышленное и коммерческое развитіе. Отъ Бремергафена до Гонконга пароходы идутъ 43 дня, отъ Гамбурга—50 дней, тогда какъ отъ Санъ-Франциско—всего 22 дня, отъ Коломбо (на Цейлонѣ)—11 дней; Австралія находится на такомъ же разстояніи отъ Китая, какъ и Остъ-Индія.

Такъ что не слѣдуетъ удивляться тому, что въ то время, какъ вывозъ изъ Германіи въ Китай съ 1890 по 1895 годъ увеличился съ 30 до 35,5 милліоновъ, т. е. на 18%, вывозъ туда Японіи (не считая товары, приходящіе съ Формозы) возросъ съ 90 по 96 годъ на 56%, Остъ-Индіи—на 123%.

Но недалеко и то время, когда Китай самъ начнетъ производить индустріальные товары.

И теперь уже въ Китаѣ замѣчается очень развитая и сильная промышленность, которая, однако, застряла на мануфактурѣ,—слѣдовательно, какъ разъ на порогѣ крупной машинной индустріи.

Онъ теперь представляетъ пока еще страну земледѣльческую. Въ немъ сельское хозяйство сильно преобладаетъ; причемъ это хозяйство является здѣсь еще совершенно первобытнымъ, связаннымъ съ домашнимъ производствомъ для собственнаго потребленія. Однако, на ряду съ этимъ, въ городахъ, а также и селахъ уже господствуетъ сильно развитая индустрія, которая, отдѣлившись отъ сельскаго хозяйства, самостоятельно производитъ товары; потомъ тамъ процвѣтаютъ отчасти ремесла, отчасти—спеціализировавшееся домашнее производство, а мѣстами, въ большихъ предпріятіяхъ, уже и мануфактура съ далеко про-

веденнымъ раздѣленіемъ труда. Но послѣдняго, большого шага къ машинѣ китайская промышленность еще не сдѣлала; она окостенѣла въ своей цеховой организаціи и теперь неспособна ни къ какому дальнѣйшему саморазвитію. Различные пріемы передаются по наслѣдству, часто какъ тайны, въ отдѣльныхъ семействахъ. Это содѣйствуетъ необыкновенно большой ловкости и внимательности, но также неприхотливости и покорности населенія, у котораго семейное воспитаніе и промышленная дисциплина идутъ рука объ руку; и оно, такимъ образомъ, вслѣдствіе окаменѣнія общественныхъ отношеній, оказывается неспособнымъ расширить районъ пріобрѣтенія средствъ существованія.

Но Китай обладаетъ не одними только многочисленными обученными, трудолюбивыми и дисциплинированными рабочими силами, онъ владѣетъ также и огромными богатствами промышленныхъ сырыхъ матеріаловъ,—т. е. всѣми предварительными условіями того, чтобы немедленно, безъ продолжительной переходной стадіи, перейти къ современной крупной промышленности. Залежи каменнаго угля въ Китаѣ необыкновенно велики; Рихтгофенъ опредѣляетъ ихъ величину въ 1.260.000 милліоновъ тоннъ. Также богатъ онъ и желѣзными рудами. Въ особенности для провинціи Шанъ-зи Рихтгофенъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ предсказывалъ (въ своей книгѣ о Китаѣ. 1877 г.) богатое капиталистическое будущее. Онъ думаетъ, что богатство въ углѣ, желѣзныхъ рудахъ, гончарной глинѣ, при благопріятномъ положеніи, «на склонахъ плато противъ необыкновенно населенныхъ и плодородныхъ долинъ, пересѣкаемыхъ судоходными рѣками и легко могущихъ быть снабженными желѣзными дорогами, обезпечиваетъ антрацитовой области юго-восточнаго Шанъ-зи такое значеніе въ будущемъ, которое превосходитъ всякія исчисленія. Это значеніе увеличивается,—если даже не принимать во вниманіе, что большія мѣсторожденія рудъ одновременно находятся во многихъ мѣстахъ,—отъ того обстоятельства, что вышеупомянутыя сокровища лежатъ внутри страны, которая изъ всѣхъ странъ міра обладаетъ наибольшимъ запасомъ дешевой, въ высшей степени выносливой и смышленой человѣческой рабочей силой... Нельзя также не принимать во вниманіе и того, какое множество важныхъ для мірового рынка отраслей промышленности мало-по-малу разовьется на китайской почвѣ и утилизируетъ эти рабочія силы, находящіяся теперь какъ бы въ скрытомъ состояніи. Сами обитатели, по видимому, мало обнаружатъ иниціативы къ этому; но иностранный капиталъ не преминетъ воспользоваться случаемъ дешеваго производства товаровъ для мірового рынка».

Такимъ образомъ, отъ открытія Китая промышленный подъемъ Европы не будетъ слишкомъ продолжителенъ; страна скоро сама начнетъ превращаться изъ покупателя въ конкурента,—изъ надежды—въ смущеніе для европейской промышленности. И весьма вѣроятно, что китайская конкуренція вызоветъ тогда въ промышленности такое же

состояніе, какое уже создала заморская конкуренція въ европейскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Но промышленность не можетъ подобно сельскому хозяйству сваливать свои тяжести на другія вѣтви производства. Она сдѣлалась для благосостоянія всего общества рѣшающею отраслью производства. Въ тотъ моментъ, когда она перейдетъ въ стадію постоянныхъ кризисовъ, подобно тому какъ это теперь уже случилось съ сельскимъ хозяйствомъ, капиталистическое товарное производство достигнетъ конца своего существованія. Такимъ образомъ китайская конкуренція можетъ сдѣлаться средствомъ, ускоряющимъ гибель существующаго способа производства.

Однако, она можетъ и не способствовать ускоренію соціальнаго движенія; она можетъ также и задержать его, стѣсняя европейскій пролетаріатъ, и вѣроятность послѣдняго еще больше, чѣмъ перваго.

Рихтгофенъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ китайскаго рабочаго: «механическій талантъ китайца облегчаетъ ему возможность съ ловкостью примѣнять выученныя имъ ручныя операціи во всѣхъ областяхъ технической промышленности. При этомъ его талантъ усвоенія подкрѣпляется какъ упрямою усидчивостью и крайнимъ терпѣніемъ, такъ и вытекающимъ изъ его воздержанности и неприхотливости чувствомъ совершеннаго удовлетворенія въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе всей своей жизни, при неизмѣнно одинаковыхъ условіяхъ, исполняетъ изо дня въ день однѣ и тѣ же манипуляціи. *Онъ въ совершенствѣ осуществляетъ идеалъ человѣческой рабочей машины*».

Къ тому же, китаецъ не только терпѣливо позволяетъ до безконечности изнурять себя тяжелою работою,—онъ и требуетъ за это незначительное вознагражденіе. У него нѣтъ потребностей высшей культуры, а, благодаря своимъ товарищескимъ инстинктамъ, онъ и съ незначительной заработной платой обходится лучше, чѣмъ европейскій рабочій. Не смотря на существованіе множества большихъ городовъ, громадное большинство населенія живетъ, однако, еще по селамъ, гдѣ сельская община, хотя и не знающая уже болѣе общинной поземельной собственности, все еще представляетъ изъ себя корпорацію, связанную тѣснѣйшей солидарностью. Въ этой корпораціи выростаетъ китаецъ съ привычкой соединяться съ сотоварищами для совмѣстной работы,—подобно тому, какъ это дѣлаютъ русскіе въ своихъ артеляхъ.

Это облегчаетъ соединеніе китайцевъ въ экономическія и политическія организаціи всякаго рода; по всей вѣроятности нигдѣ нѣтъ такого множества могущественныхъ тайныхъ союзовъ, какъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, если въ этомъ послѣднемъ должно будетъ когда-либо образоваться движеніе, то въ указанной привычкѣ соединяться въ товарищества оно найдетъ сильную поддержку.

Однако, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ китайскій рабочій является по отношенію къ европейскому не товарищемъ, а конкурентомъ, та же самая привычка поведетъ, вѣроятно, ко вреду этого послѣдняго.

Но это, кажется, будетъ единственной позиціей, на которой мы увидимъ китайца въ ближайшемъ будущемъ.—Благодаря такого рода «коммунизму», китайцы легко соединяются за границей въ потребительныя товарищества и даже въ настоящія семейства,—живутъ, ѣдятъ вмѣстѣ, поручаютъ одному покупателю за одно совершать покупки для всѣхъ и т. д.

Подобное товарищеское единеніе за границей мы находимъ и у нѣкоторыхъ европейскихъ рабочихъ, напримѣръ,—у странствующихъ итальянскихъ рабочихъ, но не въ такой высокой степени, не на такое продолжительное время и не при такомъ совершенномъ отреченіи отъ сношенія съ женщинами, какое проводитъ китаецъ, благодаря нѣкоторымъ привычкамъ, принадлежащимъ къ существеннѣйшимъ чертамъ китайскаго характера.

Дешевизна китайскихъ рабочихъ силъ обнаружится въ конкуренціонной борьбѣ китайской промышленности съ европейскою, но она можетъ также дать себя чувствовать и въ непосредственной конкуренціи, на самомъ европейскомъ рабочемъ рынкѣ. Открытіе внутренняго Китая, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, должно имѣть слѣдствіемъ быстрое исчезновеніе многихъ отсталыхъ отраслей промышленности, сохранявшихся до сихъ поръ благодаря замкнутости государства, обусловленной недостаткомъ транспортныхъ средствъ, внутренними таможнями и всякаго рода прижимками. Но даже у натуральной крестьянской промышленности не хватаетъ силъ бороться съ европейскими товарами. Однимъ изъ главныхъ средствъ создать рынокъ для капиталистической крупной индустріи является разрушеніе этого рода первобытной промышленности. Подобно тому, какъ въ Россіи и Индіи, она должна исчезнуть и въ Китаѣ. Крестьянинъ сдѣлается простымъ земледѣльцемъ, покупающимъ необходимыя ему продукты промышленности на рынкѣ. Отъ этого у него явится потребность въ наличныхъ деньгахъ, а одновременно съ этимъ то же самое непріятное явленіе наступитъ и у государственной власти. Таможенныхъ пошлинъ хватитъ ей не на долго; на крестьянъ будутъ наложены денежные налоги, что еще болѣе увеличитъ ихъ потребность въ деньгахъ. Крестьянинъ будетъ тогда принужденъ выносить на рынокъ бо̀льшія количества производимыхъ имъ сырыхъ матеріаловъ и средствъ существованія. Подобно тому, какъ во всѣхъ первобытныхъ государствахъ, изнемогающихъ отъ капиталистическаго нашествія, и въ Китаѣ возникнетъ большой вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ. Иначе чѣмъ же онъ заплатитъ за свой ввозъ? Одного чая и шелка недостаточно; притомъ чай произрастаетъ въ Китаѣ только южнѣе 30° широты, а производство шелка также процвѣтаетъ лишь въ южной части государства. На ряду съ этимъ Китай долженъ будетъ вывозить сельскохозяйственныя произведенія высшихъ широтъ, какъ-то: сахаръ, пшеницу и т. д. Нзелья также позволять вводить себя въ заблужденіе указаніемъ на

перенаселенность Китая. Китайцы, даже вымирая съ голоду, будутъ вывозить жизненныя средства,—подобно тому, какъ это дѣлали вымиравшіе съ голоду ирландцы и еще и теперь дѣлаютъ русскіе и индусскіе крестьяне, а Индія также сильно населена, какъ и Китай. Въ Китаѣ собственно приходится 86,9 жителей на квадратный километръ, а въ непосредственно британскихъ владѣніяхъ Индіи—88,5, слѣдовательно—даже немного болѣе. (Въ Германіи—99,7).

Тѣ же самые пароходы и желѣзныя дороги, которые доставляютъ въ Китай и развозятъ по немъ хлопчатобумажные товары, рельсы, локомотивы и всевозможныя машины, будутъ забирать съ собою на обратномъ пути не одинъ только шелкъ, чай и хлопчатую бумагу, но также и всякаго рода хлѣбные продукты. Отъ этого положеніе сельскаго хозяйства въ Европѣ отнюдь не улучшится.

Но одновременно съ угнетеніемъ европейскаго сельскаго хозяйства должно наступить бѣдственное положеніе сельскихъ хозяевъ также и въ самомъ Китаѣ—и для этого Россія и Индія даютъ намъ прообразы.

Денежное хозяйство взрываетъ на воздухъ старую деревенскую общину, охранявшую крестьянъ, оно приводитъ въ деревню ростовщика и сборщика податей. Массами отрываются сельскіе жители отъ прадѣдовской земли и переселяются въ города съ тѣмъ, чтобы увеличить собою ихъ пролетаріатъ, который одновременно увеличивается и гибелью старой индустріи.

Эта эволюція началась уже давно. Постройка желѣзныхъ дорогъ должна ее ускорить и усилить вытекающія изъ нея слѣдствія. Уже открытіе нѣкоторыхъ гаваней повлекло за собою сильное выселеніе китайцевъ; и, если только страну когда-либо пересѣкутъ желѣзныя дороги, то это выселеніе приметъ гораздо большіе размѣры. Кули стучится у воротъ Европы, и подобно тому, какъ въ сороковыхъ годахъ переселеніе ирландцевъ угрожало дезорганизовать англійскій рабочій классъ и парализовать его классовую борьбу, такъ новое нашествіе монголовъ грозитъ уготовать подобную же участь рабочему классу всей Европы.

Опасность—серьезна. Стоитъ лишь прочесть у Карлейля и Энгельса о томъ, какъ сильно были угнетены англійскіе рабочіе переселеніемъ ирландцевъ, чтобы легко представить себѣ, какое значеніе для современнаго пролетаріата имѣло бы сильное переселеніе китайцевъ.

Но какъ ни сильна опасность, не слѣдуетъ, однако, составлять о ней преувеличенныхъ представленій. Подобно тому, какъ страну, которой предстоитъ извлечь главную выгоду изъ открытія Китая, представляетъ изъ себя не Европа, не она же является и той страной, которой угрожаетъ наибольшая опасность отъ китайскаго выселенія. Оно больше всего будетъ наводнять тѣ страны, въ которыя оно и теперь уже направляется: въ Индію, Зондскіе острова, Сибирь и, если

позволятъ законодательныя препятствія, въ Австралію и Западную Америку.

Если же это выселеніе достигнетъ до Европы и приметъ бо́льшіе размѣры, тогда оно будетъ опасно и не одному только пролетаріату. Очень поучительное поясненіе этому даетъ намъ исторія китайскаго переселенія въ Соединенные Штаты. Китайцы приходили туда не только, какъ поденщики, но и какъ самостоятельные ремесленники и какъ крестьяне, пахавшіе и обрабатывавшіе землю. Они являлись, такимъ образомъ, конкурентами также и «среднему сословію». Но и на этомъ дѣло не остановилось. Купеческій и ростовщическій капиталъ уже очень развитъ въ Китаѣ. Достойные довѣрія докладчики разсказываютъ намъ объ одномъ китайскомъ Ротшильдѣ, обладающемъ имуществомъ въ 100 милліоновъ франковъ и многочисленными фирмами съ 10, 12, даже 25 и 30 милліонами.

Хозяйство мандарина, являющееся тормазомъ для всего экономическаго развитія, стѣсняетъ также и купца въ свободномъ проявленіи его предпринимательскаго духа. Поэтому онъ охотно эмигрируетъ и скоро становится тамъ, гдѣ онъ поселится, опаснѣйшимъ конкурентомъ европейскаго капиталиста. Такъ, существовали общества китайскихъ купцовъ, которыя сперва занялись транспортированіемъ китайскихъ рабочихъ въ Калофорнію. Потомъ, какъ только китаецъ занялъ твердую позицію въ странѣ, онъ уже не удовольствовался эксплуатаціей своихъ земляковъ во время перевозки ихъ въ Новый Свѣтъ. Онъ попытался распространить эксплуатацію также и по ту сторону океана и, такъ какъ онъ лучше зналъ рабочаго, а этотъ послѣдній, въ большинствѣ случаевъ, искони былъ его неоплатнымъ должникомъ, то и успѣлъ въ этомъ далеко больше своего европейскаго конкурента. Если китайцы сначала вытѣсняли съ фабрикъ бѣлыхъ *рабочихъ*, то скоро они начали вытѣснять изъ нихъ также и бѣлыхъ *предпринимателей*.

Сарторій фонъ-Вальтерсгаузенъ такъ описалъ этотъ процессъ въ своемъ изслѣдованіи о «китайцахъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки» (Tübingener Zeitschrift». 1883):

«Разсмотримъ, напримѣръ, фабрикацію табаку и папиросъ. Въ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Санъ-Франциско было около пятисотъ бѣлыхъ рабочихъ занятыхъ обработкой произрастававшаго въ Калифорніи табаку. Потомъ предприниматели начали работать китайцами.—Первымъ слѣдствіемъ этого было то, что пятьсотъ бѣлыхъ рабочихъ, въ большинствѣ—нѣмцы, лишились своихъ занятій. Въ 1876 году ихъ насчитывали только сотню. Вторымъ слѣдствіемъ было то, что китайцы, изучивши дѣло, перешли къ кустарной промышленности и, сотнями работая день и ночь въ подвальныхъ помѣщеніяхъ Чинатов'а (китайской четверти города), они, благодаря сбереженію въ расходахъ на квартиры, разорили мелкихъ американскихъ

предпринимателей. Послѣ этого китайскіе капиталисты начали основывать болѣе крупныя производства, которыя въ концѣ семидесятыхъ годовъ угрожали отнять хлѣбъ также и у крупныхъ американскихъ предпріятій.

«Совершенно то же самое случилось и съ производствомъ обуви, которое съ 1874 года было поставлено въ Санъ-Франциско на широкую ногу... Въ 1879 году всѣ туфли, двѣ трети всѣхъ дѣтскихъ и дамскихъ сапогъ и столько же обыкновенныхъ для сельскаго населенія доставлялись китайскими предпринимателями.

«Совершенно такіе же опыты были сдѣланы и съ другими видами одежды; такъ было, напр., на фабрикахъ рубашекъ, шерстяного и хлопчато-бумажнаго нижняго бѣлья, въ портняжескихъ мастерскихъ, гдѣ работы производились въ большихъ размѣрахъ.

«Въ другихъ отрасляхъ промышленности послѣдовало, благодаря конкуренціи, прямое изгнаніе американцевъ. Такъ произошло, напр., въ прядильняхъ шерсти, въ ткацкихъ, джутовыхъ фабрикахъ, въ канатныхъ, въ мастерскихъ сигарочныхъ ящиковъ, мыловарняхъ, спичичныхъ фабрикахъ, прачечныхъ и во многихъ другихъ».

Мелкіе и крупные купцы также терпѣли отъ китайской конкуренціи. Первые—отъ торговли въ разноску, послѣдніе—отъ того, что китайскіе купцы начали все болѣе и болѣе монополизировать торговлю съ Китаемъ. Это и были причины, побудившія конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1882 году запретить иммиграцію китайцевъ закономъ, который въ 1892 году былъ еще болѣе усиленъ.

Подобные законы были изданы также и въ различныхъ государствахъ Австраліи.

Однако, всѣ эти запрещенія оказались дѣйствительными лишь по отношенію къ иммиграціи *со стороны моря*. Но Соединенные Штаты граничатъ съ Канадой и Мексикой, которыя впускаютъ китайцевъ. Такъ что, благодаря большому протяженію сухопутной границы и воспріимчивости американскихъ чиновниковъ къ денежкамъ «на чаекъ», они легко проникали оттуда и въ Соединенные Штаты. Оффиціальная статистика этихъ послѣднихъ насчитывала въ 1890 году только 107.000 китайцевъ, но Ѳома Шарфъ, бывшій китайскій инспекторъ Нью-Іоркской гавани, опредѣляетъ ихъ число въ 700.000 человѣкъ, и изъ нихъ 150.000 только въ Калифорніи.

Подобные опыты слѣдовало бы сдѣлать и въ Европѣ. Нечего бояться сильной китайской иммиграціи *по воднымъ путямъ*. Но проникновеніе Россіи въ Китай и постройка ея сибирской желѣзной дороги откроетъ китайцамъ *сухопутную дорогу* въ Европу. И Р. Е. Мей совершенно правъ въ своемъ «Обзорѣ экономическаго развитія», когда онъ говоритъ: «начнется съ открытія Китая для Россіи, а окончится открытіемъ Россіи для перенаселеннаго Китая» *).

---

*) Напомнимъ читателю тоже мнѣніе г. Гарина въ его очеркахъ «Карандашем съ натуры». См. «М. Б.», мартъ, апрѣль, май 99 г.

Такимъ образомъ, весьма вѣроятно, что китайская эмиграція достигнетъ Европы. И, если только въ этой послѣдней она дастъ себя чувствовать въ болѣе значительной степени, то тогда она коснется не однихъ только поденныхъ рабочихъ, но также и классовъ, образующихъ основу государства, сохраненіе которыхъ особенно важно для государственныхъ мужей; поэтому слѣдствіемъ такой эмиграціи должно быть принятіе мѣръ, подобныхъ тѣмъ, какіе уже приняты въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Австраліи. Далѣе, еслибы оказалось, что всѣ эти ограничительныя мѣры остались недѣйствительными, то отъ китайскаго нашествія больше всего пострадали бы мелкіе ремесленники, торговцы и крестьяне. Что же касается рабочаго класса, то въ немъ это нашествіе прежде всего отразилось бы на самыхъ консервативныхъ его частяхъ,—на кустаряхъ и сельскихъ рабочихъ, и, прежде чѣмъ началъ бы обнаруживать свое дезорганизующее вліяніе «желтый ужасъ», оно встряхнуло бы ихъ отъ спячки.

Тогда уничтоженіе конкуренціоннаго хозяйства и преобразованіе способа производства показалось бы этимъ членамъ общества неотложно необходимымъ, какъ единственное средство спасенія отъ конкуренціи кули.

Такъ, когда въ концѣ семидесятыхъ годовъ китайскій вопросъ сдѣлался въ Калифорніи особенно жгучимъ, онъ далъ тамъ толчекъ къ быстрому развитію мощи одной рабочей партіи, которая въ 1878 году даже пріобрѣла большинство на государственныхъ выборахъ, но, конечно, благодаря своему безпорядочному и мелкобуржуазному характеру, она не могла долго продержаться.

Притомъ не слѣдуетъ также забывать и того, что возникновеніе капиталистической промышленности въ Китаѣ должно имѣть своимъ слѣдствіемъ также возникновеніе въ немъ рабочаго движенія и пробужденіе «требовательности» рабочихъ. Китаецъ на своей родинѣ не всегда бываетъ тѣмъ кроткимъ терпѣливцемъ, какимъ его знаютъ заграницей; туда вообще заносятся судьбою лишь бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ—рабы по контракту или за долги; причемъ и жить имъ за-границей приходится среди чуждаго и враждебно настроеннаго къ нимъ населенія.

Впрочемъ, даже въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ недостатка въ стачкахъ китайцевъ. На родинѣ же они обнаруживаютъ бо̀льшую стойкость. Къ этому же нужно прибавить и вышеупомянутое товарищеское единеніе, которое облегчаетъ ихъ организацію.

На тотъ фактъ, какъ быстро съ возникновеніемъ капиталистическаго хозяйства появляется также и ссоотвѣтствующая ему классовая борьба, показываетъ намъ Японія, въ которой уже открылось сильное рабочіе движеніе.

Такъ что, если принять во вниманіе существующій порядокъ вещей въ Китаѣ, то въ немъ желѣзныя дороги могутъ произвести сильное

рабочее движеніе раньше, чѣмъ тамъ образуется сильная армія и дисциплинированная бюрократія.

Но чѣмъ сильнѣе рабочее движеніе въ Китаѣ, тѣмъ незначительнѣе опасность монгольскаго нашествія для Европы.

Конечно, теперь невозможно сказать того, какую окончательную форму примутъ всѣ эти различныя, другъ съ другомъ перекрещивающіяся, здѣсь—усиливающія, тамъ—другъ друга стѣсняющія стремленія. Какъ бы ясно ни представляли себѣ сущность этихъ стремленій, объ ихъ относительной силѣ и скорости развитія, освобождающаго эти стремленія отъ оковъ, можно дѣлать лишь одни предположенія.

Но мы можемъ сказать съ опредѣленностью слѣдующее.

Не слѣдуетъ составлять себѣ слишкомъ преувеличеннаго мнѣнія о томъ экономическомъ подъемѣ, который послѣдуетъ за открытіемъ Китая; этотъ подъемъ будетъ не столько полезенъ Европѣ, сколько молодымъ, прогрессирующимъ индустріямъ другихъ частей земли. Но зато онъ принесетъ съ собою серьезныя опасности: усиленіе заокеанической конкуренціи на средства существованія; крупную китайскую промышленность, имѣющую возможность предлагать на рынкѣ низшія цѣны, чѣмъ европейская; пониженіе средствъ существованія или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе силы европейскихъ рабочихъ въ борьбѣ за повышеніе этихъ средствъ,—какъ отъ конкуренціи дешевле производящей китайской индустріи, такъ и вслѣдствіе иммиграціи лишенныхъ потребностей высшей культуры и стойкихъ въ борьбѣ китайскихъ рабочихъ.

О величинѣ и значеніи этихъ опасностей можно спорить. Но какъ бы ни преувеличивали ихъ, онѣ не помѣшаютъ открытію Китая. Это открытіе сдѣлалось необходимымъ для капиталистическаго способа производства, и классъ капиталистовъ долженъ стремиться лишь къ тому, чтобы открыть этотъ величайшій, еще закрытый для него рынокъ,—и онъ это сдѣлаетъ.

К. Каутскій.